На правах рукописи

Прокофьева Инесса Николаевна

Народная баллада «Миорица» в контексте румынской литературы XIX–XX вв.

Специальность
10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(румынская литература)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2008

Работа выполнена в Центре по изучению современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН

Научный руководитель *доктор филологических наук* **Фридман Михаил Владимирович**

Научный консультант *доктор филологических наук* **Гусев Юрий Павлович**

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук **Михайлова Татьяна Владимировна**

кандидат филологических наук **Фейгина Екатерина Витальевна**

Ведущая организация:
Московский городской педагогический университет. Филологический факультет, кафедра зарубежной литературы

Защита состоится **23 декабря 2008 г.** в 15.00 час. на заседании диссертационного совета Д 002.248.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте славяноведения РАН по адресу: *119334 г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а, корпус «В», 9-й этаж.*

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН

Автореферат разослан **14 ноября 2008 г.**

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук И.Е. Адельгейм

© Институт славяноведения РАН, 2008 г.

Реферируемая диссертация посвящена литературной судьбе народной баллады «Миорица» и значению для румынской литературы этого фольклорного произведения с момента его включения в художественную культуру Румынии в середине XIX в. до наших дней. Баллада считается вершиной румынской народной поэзии, символом, своего рода квинтэссенцией национального поэтического гения. Как ни в каком другом произведении поэзии, в ней отразилось своеобразие румынского народного восприятия мира.

Большинство исследователей относят зарождение баллады к XIV–XVI вв. Некоторые называют еще более отдаленные эпохи. Эволюция миоритического сюжета – сложный и длительный процесс народного поэтического творчества, уникальный художественный опыт целого народа. «Миорица» долгое время циркулировала на территории страны в устном исполнении. Предположительно в 1848 г. литератор и поэт Алеку Руссо (1819–1859) записал один из ее вариантов и передал его известному поэту и собирателю фольклора Василе Александри (1812–1890). Подвергнув полученный текст литературной обработке, Александри опубликовал «Миорицу» в 1852 г. в сборнике «Народная поэзия. Баллады (старинные песни), собранные и исправленные Василе Александри». В широком смысле «Миорица» это совокупность всех ее вариантов, которых к настоящему времени записано около 2000, однако эталоном баллады считается версия Александри. Именно в таком виде «Миорица» стала известной и была исследована как в Румынии, так и за ее пределами.

Балладе посвящено большое количество исследований, касающихся ее генезиса, эволюции и художественного смысла. Совокупность собранных вариантов и данных о географическом распространении баллады на территории Румынии, исследований, комментариев, интерпретаций, гипотез и переводов позволяет говорить о существовании своеобразной науки о «Миорице», «миорицеведения». По выражению Т. Цивьян, непрекращающийся интерес к балладе, «индуцирован самим текстом, обладающим такой содержательной

глубиной и мифопоэтической наполненностью, что он является практически неисчерпаемым» [1].

Художественное совершенство «Миорицы», делающее честь национальной румынской поэзии, необычная судьба баллады, ее влияние на литературу и явная «приверженность целого народа к этому фольклорному сюжету» [2] (Мирча Элиаде), подтверждаемая существованием сотен вариантов по всей территории страны, позволяют говорить о ней как о ярком **феномене** в истории румынской поэзии, и, даже шире, культуры. В попытке проанализировать «Миорицу» именно как уникальное явление в истории румынской литературы, мало исследованное и недостаточно оцененное в России, и состоит ***актуальность*** данной работы.

Цель диссертации состоит в анализе происхождения и художественной судьбы баллады «Миорица», ее значения для румынской литературы и демонстрации, каким образом в этом небольшом произведении фольклора отражается румынский «способ бытия в этом мире» [3] (А. Фоки).

Конкретные задачи работы следующие: 1. Осмысление логики развития румынской поэзии, то есть движения письменной и народной поэзии навстречу друг к другу. Публикация «Миорицы» рассматривается автором как их символическая *встреча*, важный исторический момент, начиная с которого для национальной поэзии открылись новые перспективы. 2. Вычленение основных этапов в судьбе баллады. 3. Анализ становления «миоритической науки», отразившей закономерности развития как румынского литературоведения и фольклористики, так и национального менталитета в целом. 4. Рассмотрение наиболее правдоподобных теорий о времени и месте происхождения баллады и ее фольклорных корней. 5. Выявление соотношения народного авторства и литературной обработки, а также

---

[1] *Цивьян Т.В.* «Миорица». Уникальное и типовое // Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. С. 188.

[2] *Eliade M.* De la Yamolxis la Genghis-han. Buc., 1980. P. 145.

[3] *Fochi A.* Valori ale culturii populare româneşti Vol. 1. Buc., 1987. P. 1.

христианских и языческих элементов в структуре баллады. 6. Исследование литературного влияния «Миорицы», в первую очередь на творчество Михаила Садовяну и Лучиана Благи. 7. И, наконец, анализ художественного смысла баллады, и, прежде всего, экзистенциального аспекта «Миорицы», то есть национального отношения к жизни и смерти, и выведение отсюда некоторых параметров «национальной специфики», как они видятся автору диссертации.

Научная новизна работы определяется тем, что впервые в отечественном литературоведении произведено монографическое исследование «Миорицы» с привлечением большого количества фактологических данных и поставлен вопрос о значении баллады в румынской литературной жизни**.** Из русских ученых особое внимание «Миорице», как балкано-румынской «модели мира», уделяет Т. Цивьян в своих работах по балканистике [4]. О «миоритическом пространстве» в творчестве Л. Благи и М. Садовяну писал М. Фридман [5]. Знатоком баллады следует также считать известного исследователя румынского и молдавского фольклора В. Гацака[6]. Однако как некая важная константа румынской литературы «Миорица» в русском «румыноведении» еще не представлена.

Автор полагает, что «Миорица» в варианте Александри является результатом фольклорно-литературного творчества, шедевром, родившимся на пересечении народной и книжной поэзии. Это можно считать новым моментом в «миорицеведении», поскольку в Румынии принято либо недооценивать вклад Александри в художественное

---

[4] *Цивьян Т.В.* «Миорица». Уникальное и типовое // Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. С. 185–193. Из балканского пастушеского текста // Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999. С. 206–238. и др.

[5] *Фридман М.* Миоритическое пространство в творчестве Л. Благи и М. Садовяну // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. М., 1989. С. 63–66.

[6] *Гацак В.* Тайны народного эпоса // Румынская народная поэзия. М., 1987. С. 3–20.

совершенство баллады, либо его переоценивать. Соотношение христианских элементов с элементами языческими в поэтической ткани баллады также является новым аспектом исследований, которому в Румынии только начинают уделять внимание. В увлечении «языческими корнями» баллады игнорируется многовековое существование ее в контексте христианской культуры.

Автор выделяет отраженные в балладе некоторые важные черты румынской «национальной специфики». Это, прежде всего, обостренное национальное *чувство судьбы* и *«смирение расы»* (Садовяну), а также сильно развитое *ощущение «печали бытия»* (он же), некая *национальная меланхолия,* скрывающаяся в недрах румынского мировосприятия, но преодолеваемая, однако, мощным переживанием *единства человека со всей живой и неживой природой.* Как никакое другое произведение румынской литературы «Миорица» отражает народное представление о *всепобеждающей гармонии и красоте мира.* Все эти черты народного мировосприятия можно проследить в фольклорной поэзии других европейских литератур, однако в случае с «Миорицей» речь идет об их уникальной концентрации в рамках одного фольклорного произведения высокой художественной ценности. Это также новый аспект в изучении баллады, который представляет интерес в контексте современных исследований «национальной идентичности» литератур.

Методологической основой диссертации послужили труды по фольклористике и литературоведению российских и румынских ученых: А. Веселовского, В. Проппа, Т. Цивьян, Е. Двойченко-Марковой, В. Гацака, А. Кожевникова, М. Фридмана, Дж. Кэлинеску, М. Элиаде, Н. Манолеску, А. Фоки, О. Денсушану, Д. Каракости, Ч. Брэилою, Д. Ботты, А. Амзулеску, Д. Каравана, Г. Врабии, Й. Филипчука, и др. Предметом историко-литературного анализа для работы стал не только классический текст-эталон Василе Александри, но и другие варианты баллады, опубликованные в монографии румынского литературоведа и фольклориста Адриана Фоки («Mioriţa. Tipologie, circulaţie, genezǎ, texte» Bucureşti, 1964).

Научно-практическая значимость диссертации заключается в возможности использования обобщенного в ней материала и сделанных автором выводов в лекциях, спецкурсах и спецсеминарах по истории румынской литературы, поскольку наряду с анализом текста баллады «Миорица» и ее судьбы, автор рассматривает общие вопросы литературного процесса в Дунайских Княжествах и затем в объединенной Румынии, начиная с XVII в. и кончая XX в.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования обсуждались на заседании Центра по изучению современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы ИСл РАН, а также на Ежегодной Научной Конференции Свято-Тихоновского гуманитарного университета в январе 2006 г. По теме диссертации опубликовано три работы.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, шести глав, заключения и списка литературы.

Во введении даются общие сведения о «Миорице» и обосновывается выбор темы диссертации, определяются задачи исследования, его методологическая основа, научно-практическая значимость, а также дается общее представление о «миорицеведении».

Сюжет «Миорицы» внешне крайне прост. Действие происходит «у подножья горы, в райском краю» («pe picior de plai, pe o gură de rai») и кратко заключается в следующем. Трое пастухов с отарами спускаются с гор. Двое из них решают убить на закате третьего и поделить между собой его красавец овец и лошадей. Волшебная овечка, Миорица, зная о готовящемся заговоре, уже три дня не ест и не пьет. Услышав от нее о надвигающейся опасности и отвергнув предложенный план бегства, пастух просит овечку передать своим убийцам, чтобы те похоронили его в загоне для овец. О своей смерти ни овечкам, ни матери он просит не говорить, а просто сообщить, что он женился на «царской дочери» и что на его свадьбе упала звезда, луна и солнце держали венец, священниками были горы, дружками ели и платаны, музыкантами птицы, а свечами звезды.

Точная степень литературной правки первоначального текста, сделанной Александри, осталась неизвестной. Однако «ювелирная»

обработка баллады, осуществленная рукой одного из самых талантливых румынских поэтов XIX в., становится очевидной при сопоставлении с основным корпусом вариантов. Это означает, что «Миорица» Александри принадлежит как фольклорной, так и литературной поэзии. Заслуга Александри чрезвычайно велика. Без его вторжения «Миорица», вероятно, не приобрела бы столь широкую известность. Однако при этом, став фактом литературы, баллада остается народным произведением, и честь ее создания, бесспорно, принадлежит, прежде всего, румынскому народу.

Баллада стала широко известна в кругах ценителей и знатоков народной поэзии за пределами Румынии с момента ее публикации. Произведением «священным, трогающим до слез» и отражающим «чудное единение человека со всем творением» [7] назвал «Миорицу» Ж. Мишле, первый переводчик баллады на французский язык (1854 г.). Итальянский литературовед Рамиро Ортиз, возглавлявший с 1919 г. по 1933 г. кафедру итальянской литературы Бухарестского университета, говорил, что ей мало равных в литературах других народов. Испанский литературовед XX века Л. Кортес считал «Миорицу» одним из самых прекрасных стихотворений, существующих в мире. Немецкий филолог-романист Л. Шпитцер (1887–1960) также относил балладу к великим произведениям мировой литературы [8]. Американский литератор и поэт Л. Фарару (1887–1969) назвал «Миорицу» «краеугольным камнем» [9] всей румынской поэзии.

Румынский фольклор богат и разнообразен. Существует немало других произведений, которые также можно назвать шедеврами народной лирики, например, баллады «Зодчий Маноле», «Тома Алимош», «Мику Копилул», а также многие румынские дойны. По известности «Зодчий Маноле» вообще не намного уступает «Миорице». Однако, баллада о трагической судьбе талантливого мастера, которому

---

[7] Цит. по: *Fochi A*. Mioriţa. Tipologie, circulaţie, geneză, texte. Buc., 1964. P. 10.

[8] См.: *Spitzer L*. L'archétipe de la ballade Mioriţa et sa valeur poétique // Romanishe literatur-studien. Niemeyer Verlag/ Tubingen. 1959. P. 835–867.

[9] *Fararu L*. The development of Romanian poetry. New York, 1929. P. 16.

для возведения прекрасного монастыря приходится принести в жертву молодую любимую жену, основывается на общебалканской легенде, существующей у болгар, сербов, греков, а также венгров, «Миорицу» же следует признать исключительно румынским поэтическим явлением.

Основные «загадки» «Миорицы»- это, прежде всего, возраст баллады, место зарождения, происхождение «миоритического» убийства (существуют мифологические, ритуальные, исторические и этнографические теории), проблема соотношения христианского и языческого мировосприятия, вопрос авторства (роль Александри), и, конечно, вопрос о художественном смысле баллады. Пассивность миоритического пастуха перед лицом смерти, которой, с точки зрения здравого смысла, вполне можно было избежать, это своего рода «краеугольный камень» «миоритических» споров. Ж. Мишле, например, прокомментировал бездействие героя баллады как отражение национальной слабости и «фатализма». Румынские исследователи видели в «Миорице» «римско-дакское» презрение к смерти, якобы характерное для предков румын; отзвуки некоего древнего мифа, архаического жертвоприношения или особых пастушеских ритуалов; желание смерти как высшего покоя и растворения в мировых космических стихиях; пророчество о судьбе, которую невозможно предотвратить; преломление образа Доброго Пастыря; смиренное принятие Промысла, характерного для народа, воспитанного в христианской культуре; и даже просто нестыковку смысла при соединении двух различных фольклорных фрагментов.

«Миорица» переведена почти на все романские и славянские языки, а также латинский, японский, армянский, арабский и эсперанто. Впервые на русском языке она появилась в 1953 г. в сборнике «Румынские народные песни и сказки» в переводе В. Нейштадта. Позже были опубликованы переводы И. Гуровой (1958), В. Цвелева (1953), Д. Самойлова (1960), В. Балтаг (1981), Ю. Кожевникова (1987), А. Бродского (1990), А. Юнко (1995). Однако это скорее авторские переложения знаменитой баллады.

В отсутствии адекватного перевода баллады в России заключается одна из основных причин того, что само существование этого маленького шедевра народной лирики остается неизвестным для русского читателя, а подчас и для российских специалистов-

литературоведов. Поэтому автор диссертации ставит перед собой задачу заполнить этот пробел и представить как можно больше сведений о «Миорице» и ее значении в истории румынской литературы.

В первой главе *«Путь к “встрече”»* дается общая характеристика румынской народной поэзии, долгое время, как неведомое сокровище, хранившейся в недрах народной жизни. Как румынскими, так и европейскими учеными признается, что румынский фольклор один из самых богатых в Европе. Это интереснейший феномен, мало изученный в России.

Основной особенностью румынской народной поэзии можно считать преобладание лирических жанров над эпическими и сильнейшее лирическое начало в самих эпических жанрах. Так, формально, «Миорица» принадлежит к балладам, или «старинным песням», то есть эпическому жанру, однако лиризм в ней явно перевешивает эпический сюжет. К особенностям народной румынской поэзии можно также отнести преобладание «печального регистра», проявляющегося, прежде всего, в существовании знаменитого, непереводимого на другие языки, понятия «dor» («томление, тоска, ностальгия, меланхолия»). Дор встречается в большинстве румынских лирических песен, так называемых дойнах. Отзвуки дора можно почувствовать и в самой «Миорице».

Еще одна характерная черта румынской народной лирики - это погруженность в жизнь природы. Естественно, это меньше всего эстетическое чувство. Народный поэт не созерцает природу, а живет ею, растворен в ней, ведет с ней постоянный диалог. «Миоритическая свадьба», выражающая единство до смерти человека и природы, один из самых ярких поэтических образов во всей румынской национальной поэзии. В работе также отмечается естественная религиозность народной поэзии при сохранении в фольклорной памяти черт дохристианского мифологического мышления.

Непосредственность, искренность, глубина чувств, простота, лаконичность, строгая сдержанность описаний, поразительная техника стиха (повтор, сонорный параллелизм, ассонанс, аллитерация, внутренняя рифма), сделали народную лирику неисчерпаемым

источником вдохновения и творческим образцом для будущей национальной румынской поэзии.

Хотя развитие румынской письменной литературы с самого начала было глубинно связано со стихией народного языка и устным народным творчеством (поэзия митрополита Дософтея (1624–1694), творчество молдавских и валашских летописцев), непосредственный интерес к сокровищнице народной поэзии со стороны румынской культурной элиты проявляется, как и во всей Европе, к концу XVIII в. Именно тогда начался активный, как спонтанный, так и целенаправленный (деятельность Трансильванской школы)[10] сбор фольклорных произведений, в котором участвовали литераторы, сельские учителя, ученые и неученые люди. Как стало известно совсем недавно, самый первый зафиксированный вариант «Миорицы», обнаруженный в 1991 г. в Государственном Архиве города Тыргу Муреш, был записан в конце XVIII в. Иоанном Шинкаем, братом одного из главных представителей трансильванской школы Георге Шинкая.

Именно к этому времени относится и становление собственно национальной румынской поэзии. Творчество трансильванца И. Будай-Деляну (1760–1820), валашских поэтов семейного клана Вэкэрэску, «молдавского Петрарки» К. Конаки (1778–1849) заложило основу для ее будущего расцвета. Уже в их произведениях прослеживается сильное тяготение к народным образцам, однако настоящее знакомство с народной поэзией и радикальное обновление всего национального поэтического мироощущения было еще впереди.

В начале 40-х гг. XIX в. интерес к народному творчеству в княжествах стал повсеместным. Это было связано, как и в остальных странах Западной Европы и Балкан, с развитием романтизма, но стало особенно актуально в связи с формированием в княжествах национального самосознания. Момент освобождения от турецкого ига и объединения княжеств приближался. Все средства были пущены в ход для идейной консолидации общества. Обретение не отдельных фрагментов, а всего сокровища народного творчества было как нельзя

---

[10] Объединение арделянских ученых-просветителей во главе с Самуилом Мику (1745–1806), Георгие Шинкаем (1754–1816) и Петру Майором (1761–1812).

кстати для этнического самоутверждения румын. Эту миссию взяли на себя поэты романтики Алеку Руссо и Василе Александри.

Таким образом, примерно с начала XVII в. прослеживается поступательное движение румынской письменной поэзии навстречу богатству и разнообразию устной народной традиции, кульминационным и символичным моментом которого станет обретение баллады «Миорица».

Во второй главе работы, ***«Встреча»,*** приводятся подробности обретения «Миорицы» Алеку Руссо, в том числе предположительная дата ее «открытия» – 10–11 марта 1848 г. Но если Руссо извлек балладу из недр фольклорного моря, то обработал драгоценную жемчужину и представил ее перед читающей публикой «предтеча» Эминеску, «король поэтов», как его называли, поэт Василе Александри. Это особая фигура в истории румынской литературы. Творчество Александри было блестящей кульминацией попыток его предшественников приобщить письменную поэзию к сокровищам народной лирики.

Публикация в 1852 г. в Яссах сборника «Народная поэзия. Баллады (старинные песни), собранные и исправленные В. Александри», а затем переработанной версии «Народная поэзия румын» в 1866 г. стали настоящей сенсацией в румынской литературной жизни тех лет. Поэт представил коллекцию народных произведений, художественное достоинство которых поразило воображение современников. Можно сказать, что в истории румынской литературы сборник Александри – первая настоящая вершина. Однако факт «исправления» не мог не вызвать споры о подлинности представленных текстов, в том числе и «Миорицы», одного из главных украшений сборников.

Большинство текстов в сборниках, вне всякого сомнения, подлинные фольклорные произведения. Многие из них, в первую очередь «Миорица», известны из более поздних коллекций, собранных разными фольклористами в других районах страны. Более того, в комментариях, помещенных автором в конце издания, нередко указывается место записи и имя исполнителя. Однако наряду с подлинными произведениями, Александри явно включил в сборник собственные стилизации. Таким образом, речь все же идет о частичной литературной мистификации, нередко встречающейся в литературной жизни тех лет.

В основном трансформации, которые Александри назвал «исправлениями», это стилистические и композиционные поправки. Поэт убирает повторы, свойственные устному стилю, добиваясь этим более концентрированного поэтического эффекта; вставляет явно недостающие связки; избавляется от лексических и грамматических диалектизмов; выправляет стилистические неуклюжести, то упрощает, то, наоборот, несколько усложняет синтаксис и т. д. Вероятно, таким образом отредактированы большинство произведений сборника, в том числе и «Миорица».

Сборники Александри не остались незамеченными в европейских литературных кругах. Одним из первых «Миорицу» прокомментировал Проспер Мериме. Уже в 1854 г. появляется перевод баллады на французский язык, в 1856 г. на английский, в 1857 г. на немецкий язык. В 60-х гг. XIX в. в Париже защищается первая диссертация по «Миорице». «Везде баллады хорошо принимают, и везде они вызывают восхищение, – писал Александри. – Они привлекли внимание образованных людей и вызвали заслуженную симпатию к нашей нации, в течение стольких веков всеми забытой и позаброшенной на краю Европы» [11].

Любопытно, что первый сборник народной поэзии Александри выполнил и чисто политическую миссию. Во французском переводе он был включен в материалы Парижской мирной конференции 1856 г., которая, на исходе Крымской войны, помимо других проблем, должна была решить судьбу Дунайских Княжеств. Народная поэзия румын свидетельствовала о самобытности и духовной зрелости румынского народа, сумевшего, несмотря на тяжелый гнет турецкой империи и других внешних сил, создать свою собственную, яркую и оригинальную, литературу.

Таким образом, публикация сборников Александри и, особенно, баллады «Миорица» – это важное и символическое событие в истории румынской литературы и, шире, культуры.

---

[11] Цит. по: *Vrabie G.* Folcloristica romînă. Buc., 1967. P. 72.

В третьей главе *«“Миорица” во второй половине XIX века»* автор рассматривает первые попытки анализа баллады с научной точки зрения, зарождение «миорицеведения», первые «миоритические» отзвуки в письменной поэзии, в первую очередь, в творчестве Михая Эминеску (1850–1889), а также «участие» баллады в идейных спорах в румынских академических и литературных кругах 60-90-х гг. XIX века.

Первым ученым, выдвинувшим «мифологическую» теорию происхождения «Миорицы», был один из ярчайших румынских эрудитов А. Одобеску (1834–1895). Адепт теории миграции фольклорных сюжетов, он утверждал, что «Миорица» родилась много веков назад в Греции и оттуда, как эхо, дошла до самых Карпат. Другую «мифологическую» теорию предложит известный румынский поэт Г. Кошбук (1866–1918). Кошбук считал балладу отзвуком «солярной» народной мифологии, основанной на поклонении солнцу.

В разделе, посвященном «миоритическому горизонту» в творчестве Михая Эминеску (1850–1889), дается общая характеристика творчества поэта и подчеркивается, что именно в его поэзии произошло окончательное слияние двух поэтических стихий, письменной и устной. Эминеску преобразил румынскую поэзию, как в отношении содержания, открыв новые поэтические горизонты, так и в отношении формы, совершив переворот в художественном словаре, образности, рифме, ритме. Одним из самых главных, если не главным, фактором, определившим характер поэзии Эминеску, стало освоение им фольклорной поэтики. В его творчестве мы имеем дело со сложным «алхимическим» процессом, в котором соединились неповторимость его личного поэтического мироощущения и стихии народной поэзии.

Поэтическая судьба Эминеску не могла не пересечься с шедевром народной лирики «Миорицей». Одно из его самых известных стихотворений «Одного я желаю» («Mai am un singur dor») традиционно рассматривается как момент этого пересечения, творческий диалог со знаменитой балладой, как «Миорицу» Эминеску [12].

С именем духовного лидера румынского идейно-литературного движения 60–90-х годов XIX в. «жунимизма» Титу Майореску (1840–

[12] *Călinescu G.* Istoria literaturii rimâne de la origini pînă în prezent. Buc., 1986. P. 474.

1917) связан новый этап в изучении народной поэзии вообще и «Миорицы» в частности. А возникшая в начале XX в. (1909 г.) академическая дискуссия о герое баллады впервые высветила экзистенциальный аспект «Миорицы», ставший с тех пор предметом непрекращающихся споров. С этого момента начинается история философского осмысления баллады.

Постепенно «Миорица» становится все более заметным явлением в румынской литературной и идейной жизни.

В четвертой главе *«"Миорица" до 1945 г.»* продолжается освящение истории «миорицеведения», участия баллады в литературно-идейной борьбе и активного вхождения баллады в румынскую литературу, прежде всего через творчество двух крупнейших художников Румынии Лучиана Благи и Михаила Садовяну.

В 20-е гг. XX в. большой вклад в «науку о «Миорице»» внесли такие крупные румынские филологи, как Д. Каракостя и О. Денсушану. Каракостя настаивал на необходимости интегрального – исторического, компаративистского, лингвистического, географического и чисто эстетического – исследования народной поэзии, в частности, «Миорицы». Правда, результаты тщательного анализа, сделанные ученым, оказались весьма скромными. «Миорица» как будто ускользала от научного анализа, предлагая гораздо больше загадок, чем решений. О. Денсушану первым рассмотрел балладу в контексте миграционного пастушества (transhumanţă). Этим он внес важный вклад в разъяснение вопроса о столь широком распространении «Миорицы».

Тогда же, в 20-ые годы XX в., этнограф Ч. Брэилою обнаружил в румынских селах народный ритуал посмертной свадьбы. К настоящему времени это явление уже хорошо изучено [13]; как пишет О.А. Седакова «за пределами обрядовой реальности метафора с м е р т ь – с в а д ь б а развивается в разных жанрах фольклора…». Однако в то время это было открытие сенсационное для «миорицеведения». До этого «миоритическая феерия» свадьбы пастуха со смертью воспринималась исключительно как поэтическое чудо. Оказалось, однако, как в Румынии, так и во многих

[13] См.: *Седакова О.А*. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.

странах Восточной Европы, существовал старинный обряд погребения неженатых юношей и девушек, в котором воспроизводились элементы настоящей свадьбы (венцы, кольца, музыка, вплоть до символических суженых). Считалось, что у умерших молодых людей тоже должна быть в жизни свадьба, иначе они могут вернуться в виде вурдалаков для мести живым. Брэилою делает вывод о том, что «Миорица» якобы родилась из народного «страха перед вурдалаками». Однако чисто этнографическое «объяснение» баллады игнорировало глубинную суть художественного творчества, его сублимационную силу и сам процесс эволюции фольклорных образов от обряда к чистой поэзии. Более того, ученый проигнорировал самый поразительный факт: в «Миорице» посмертная свадьба совершается природой, а не людьми. От реального обряда до «чудного единения со всем творением», отраженного в балладе, был пройден огромный и сложный художественный путь. По выражению румынского фольклориста О. Бырли, Брэилою в конце концов оказался «в открытом море этнографии, откуда даже не видно берега реализованной художественности» [14].

Став фактом румынской литературной жизни, в сложной и напряженной атмосфере 20–30 гг. XX в. «Миорица» по-разному осмыслялась представителями различных идейно-художественных течений, таких как «попоранизм», «гындиризм», экзистенциализм.

В период расцвета национальной поэзии межвоенного времени, когда большинство крупных румынских поэтов (Т. Аргези, Л. Блага, И. Иосиф, И. Барбу, А. Филлиппиде, А. Маниу, В. Войкулеску) снова и снова обращаются к фольклору, «Миорица» живет в румынском поэтическом пространстве особой, сокровенной, жизнью, давая о себе знать в отзвуках, аллюзиях, поэтической атмосфере. Но важнейшим этапом в ее судьбе становится создание поэтом-философом Лучианом Благой в рамках трактата «Трилогия культуры» (1936–1937) поэтико-философского термина «миоритическое пространство» («миоритический горизонт»). «Миоритизм», по Благе, это национальное подсознание, рождающее «стилистическую матрицу» румынской культуры и определяющее особенность национальной судьбы. Эта особенность заключается в глубинном и часто неосознанном слиянии румынской

[14] *Bîrlea O*. Poetica folclorică. P. 18.

души с национальным пейзажем, традиционным миром румынского села, в котором «рождается вечность».

Понятие «миоритического пространства» прочно вошло в румынский литературный, философский и публицистический обиход в более упрощенном и одновременно расширенном смысле. Фактически, слово «миоритический» означает сейчас «чисто румынский», «традиционно румынский». В литературе и средствах массовой информации на каждом шагу можно встретить самые разнообразные «миоритические» словосочетания, как, например, «миоритический человек», «миоритическая трава», «Миоритическая Республика Румыния», «язык Миорицы» (в значении «румынский язык») и т. д.

Именно в области «миоритического пространства» происходит пересечение писательских судеб Лучиана Благи и Михаила Садовяну (1880–1961). Романтик по душевному складу и поэт по художественной манере, Садовяну ставил балладу на непревзойденную высоту в публицистике и постоянно возвращался к ней в своих художественных произведениях. Писатель видел в ней «смирение расы» и мужественное приятие «печали бытия». Один из лучших его романов «Чекан» (1930), парафраз «миоритического» сюжета, написан как дар «Миорице». В своем последнем, незаконченном, романе «Песнь Миоары» (1963) писатель пытался соединить «миоритический» мир своих излюбленных героев с коммунистической реальностью. Сделать это ему не удалось, поскольку «миоритическое» мироощущение, связанное с многовековой народной культурой, было несовместимо с идеалами строителей «новой жизни».

Активное изучение «Миорицы» в первой половине XX в., ее популярность в научных, литературных и философских кругах, использование для обозначения румынской национальной традиции («миоритическое пространство»), позволяет сделать вывод о все становящейся все более очевидной важности этого народного шедевра для всей румынской культурной жизни.

Пятая глава *«“Миорица” во второй половине XX в.»* прослеживает новые повороты в судьбе баллады и дальнейшее развитие «миорицеведения» и «миоритических» философских построений в румынской литературной жизни. После 1945 года балладе о кротком

пастухе пришлось пострадать от идеологического террора. «Миорица» была изъята из всех школьных учебников, о ней не полагалось ни говорить, ни писать в положительном плане. Этому способствовали выступления в печати официальных идеологов, заявивших, что «Миорица» это пример «трусливой покорности» и «отказа от борьбы». К счастью, «обструкция» по отношению к «Миорице» была недолгой. 10 марта 1952 г. в Институте истории литературы на заседании, посвященном подготовке «Антологии фольклора» по инициативе известного критика Д. Кэлинеску, при соблюдении внешней лояльности к идеологическим требованиям, баллада была «реабилитирована».

После множества идеологических и цензурных препон фольклорист А.Фоки в 1964 г. публикует монографию « «Миорица». Типологии, циркуляция, генезис, тексты». Собрание, изучение и тщательный анализ огромного количества текстов (930), внушительный корпус статистических данных, изучение обширной гео-фольклорной территории, выходящей за границы Румынии, привлечение большого числа «внешних вариантов» делают из монографии Адриана Фоки уникальное явление в румынском литературоведении.

В конце 1960-х в «миорицеведение» вливается имя известного историка религий и философа Мирчи Элиаде (1907–1986). Элиаде увидел в балладе воплощение судьбы «румынского интеллектуала последних ста лет». Важным вкладом Мирчи Элиаде в осмысление «Миорицы» станет мысль о творческой энергии, воплощенной в балладе. Эту творческую энергию народ противопоставляет трагизму бытия.

В 1970–2000 гг. ведущими в толковании баллады становятся мифологические и ритуальные тенденции. К нашему времени «Миорица» настолько обросла самыми противоположными и иногда абсолютно фантастическими толкованиями, что теперь она, по выражению современного специалиста по балладе И. Филипчука, «предстает пред нами как настоящая звездная туманность, и всякую попытку навести порядок в этом предмете, находящемся в постоянном брожении, можно назвать безрассудством» [15]. Впрочем, поток работ, посвященных балладе, не иссекает. В начале 1970-х был произведен даже математический анализ текста. Приведем названия некоторых работ, посвященных

---

[15] *Filipciuc I.* Mioriţa şi alte semne poetice. Cîmpului Bucovina, 2002. P. 139.

«Миорице», чтобы показать разнообразие литературоведческих, исторических, философских и этнографических подходов к балладе: «Сократ и миоритический пастух», «Миорица – онтологическая герменевтика», «Легенда миоритического пространства», «Миорица – дако-гетский архетип», «Этномузыкальные смыслы “Миорицы”», «Миорица vs Дракула» и т. д. и т. п.

В 1990 г. в России появляется первая серьезная работа о «Миорице» – статья Т. Цивьян [16], в которой баллада рассматривается как балканская «модель мира». Цивьян также придерживается ритуальной теории происхождения «Миорицы» и считает, что молодой пастух мог быть принесен в жертву для прекращения цепи убийств в эпоху миграционного скотоводства.

В шестой главе *«Некоторые выводы по поводу генезиса, эволюции и художественного смысла “Миорицы”»* подводится итог наблюдений автора диссертации. Касательно происхождения и эволюции баллады наиболее вероятным представляется зарождение в форме колядки в Трансильвании, откуда в период миграционного скотоводства (XIV–XVII вв.) она распространилась дальше по территории Румынии в сторону Мунтении и Молдовы. Некий пастушеский ритуал, или «закон», о котором есть упоминание в значительном количестве трансильванских вариантов, мог лежать в основе убийства пастуха. Этот «древний» вид «Миорицы» крайне прост в художественном отношении и состоит только из двух эпизодов – заговора и завещания пастуха. В нем даже нет самой овечки, но структура трансильванских вариантов говорит о том, что это, действительно, ядро «Миорицы». Превращение колядки в балладу происходило постепенно, но все более явно по мере продвижения «Миорицы» к югу. В закарпатской зоне Мунтении начинается ее окончательная кристаллизация. По мере движения от Трансильвании прослеживается упразднение ритуального смысла, изменение сути конфликта в сторону «экономического» и психологическое углубление содержания. Прибавляется эпизод с овечкой, затем с матерью пастуха и,

---

[16] *Цивьян Т.В.* «Миорица». Уникальное и типовое // Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. С. 185–193.

наконец, образ миоритической свадьбы. В районе гор Вранчи в 1848 г. Алеку Руссо записывает уже полный текст баллады.

После публикации варианта Александри, «Миорица» входит в школьные учебники, что способствовало ее широчайшему печатному распространению. С этого момента, однако, начинается процесс возвращения баллады в старое устное русло. Этим объясняется существование огромного количества вариантов, в основе которых лежит текст Александри. Вернувшись в «народ», он претерпел явные изменения в сторону огрубления и упрощения. Сокращая и «выпрямляя» «исправленный» текст «короля поэтов», народ инстинктивно стремился к простоте «субстрата». Это служит одним из доказательств значительного вмешательства Александри в вариант, переданный им Руссо.

Вывод, сделанный нами о том, что классический вариант Александри, есть, в значительном смысле, синтез народной и письменной поэзии, не характерен для румынского «миорицеведения». Мы полагаем, что основная «загадка» Миорицы, тайна ее красоты, покоряющей всякого искушенного и неискушенного читателя, заключается как раз в совершившейся символической «встрече» двух ветвей национальной поэзии, фольклорной и письменной.

Одним из самых важных аспектов в изучении «Миорицы» является взаимодействие отраженного в ней христианского и дохристианского, ритуального и мифологического мироощущения. В балладе ярко проявилась особенность румынской (и шире, балканской) фольклорной культуры, в которой теснейшим образом переплетаются христианские константы с архаическими элементами дохристианской эпохи. Однако чрезмерное увлечение ритуальными и мифологическими корнями баллады уводит художественный анализ «Миорицы» в почти «эзотерические» сферы. Каковы бы ни были эти корни, их «тайные» смыслы давно утеряны и принадлежат области гипотез. В течение веков баллада существовала в контексте христианской культуры, растворившей в себе языческие верования и приспособившей их к собственным целям. Образ Агнца и Доброго Пастыря неизбежно должен был заслонить собой образ невинной жертвы пастушеской языческой мистерии, если таковая и лежала у истоков баллады. Но какова бы ни была степень и качество народной религиозности, отраженной в «Миорице», это, прежде всего, баллада о человеческой судьбе, о сыновней и материнской любви, о

«смиренной душе нации» и «печали бытия», о красоте мира, о «единении человека со всем творением». Именно это ставит «Миорицу» в ряд самых прекрасных произведений в истории мировой литературы.

В заключении подчеркивается, что образ «миоритического пастуха, безусловно, является **знаковым** для румынской культуры. Как отмечает Т. Цивьян, персонаж «пастушеских текстов» в фольклоре нередко ***«уже некоторая условность, знак, символ, репрезентирующий …образ и смысл – мифический, фольклорный, литературный и т. п., отпечатавшийся в сумме представлений человека*** (нации. – *И.П.*)» [17].

«Миоритизм», конечно, не воплощает всю национальную специфику, всю сложность румынской души, изображенной в творчестве румынских писателей XIX и XX века. Однако, по словам Мирчи Элиаде, хотя ***«“Миорица” синтезирует не все характеристики румынского гения, приверженность целого народа к этому фольклорному шедевру остается настолько значимой, что невозможно постигнуть историю румынской культуры, не найдя причин этой солидарности»*** [18]. Причина этой солидарности, вероятно, кроется именно в том, что «Миорица» выражает некие основные черты национального менталитета – ощущение предопределенности человеческой судьбы, смиренное приятие смерти, чувство органичного единства природы и человека и, несмотря на трагизм бытия, признание его конечной гармонии.

В чисто литературном плане, «Миорица» – это своеобразный «фермент», заложенный в румынскую литературу в середине XIX в. «Не смотря на все эстетические и философские различия, – пишет К. Чопрага, – объединяющая перспектива баллады очевидна у всех наших великих поэтов – Эминеску, Благи, Аргези и др.» [19] Баллада была и останется навсегда путеводной звездой румынской поэзии. Поэтическая аура «Миорицы» постоянно ощущается, иногда явно, но чаще

---

[17] *Цивьян Т.В*. Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999. С. 206.

[18] *Eliade M*. De la Zamolxis… P. 145.

[19] *Ciopraga C*. The personality of Romanian literature. Iaşi, 1981. P. 59.

прикровенно, как эхо, намек, аллюзия, в художественной интонации, в поэтических акцентах, символике самых различных румынских авторов XX в., таких как Н. Лабиш, Э. Жебеляну, Д. Корбя, М. Георгиу, М. Драгомир, Р. Боуряну, А. Бландиана, И. Александру, И. Георге.

Образ-символ смиренного пастуха в румынской культуре останется навсегда непревзойденным, как бы ни изменилось с течением времени самоощущение нации и его литературное выражение.

По теме диссертации опубликованы следующие статьи:

1. Баллада «Миорица» в истории румынской литературы XIX–XX веков (Предварительные замечания) // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых. Вып. 1. М., 2003. С. 206–215.

2. О некоторых особенностях румынской народной поэзии // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия III, Филология. Вып. 2, 2006. С. 135–146.

3. «Миорица». История и судьба // Вестник МГУ. Серия IX, Филология. Вып. 6. 2007. С. 120–126.